

ИЗ ИСТОРИИ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НАЧАЛА XVII в.

В. Д. НАЗАРОВ

До сих пор вне поля зрения ученых остаются актовые источники и другие делопроизводственные материалы эпохи первого Самозванца. Сплошной просмотр изданий источников и соответствующих архивных хранилищ страны дал возможность автору выявить сравнительно большой комплекс разнообразнейших материалов, освещающих разные стороны внутренней политики правительства Лжедмитрия I: жалованные и указные акты, послушные, ввозные и отдельные грамоты, документы судебных разбирательств (и правительства Самозванца, и последующего времени), отписки различных приказов, десятки разных типов и т. п.

Задачей настоящей статьи является выяснение направленности политики правительства первого Самозванца в отношении церковных феодалов на основе изучения жалованных и указных грамот. В работе рассматривается отношение Лжедмитрия I к городским и промысловым владениям церковных корпораций, а также к различным финансовым привилегиям, связанным с ними.

Выяснение позиции церкви и отдельных церковных феодалов дает возможность глубже и точнее понять расстановку классовых и внутри-классовых (в господствующем классе) сил и ее динамику на различных этапах крестьянской войны в России начала XVII в. Анализ иммунитетной политики правительства первого Самозванца в отношении городских владений и таможенных привилегий церковных корпораций позволяет понять резко отрицательное отношение большинства их к Самозванцу и является единственным путем для изучения позиции Лжедмитрия I в отношении посадов. Роль же и значение посадских людей в общем ходе классовых битв начала XVII в. во многом еще не исследованы.

Всего в нашем распоряжении имеется 100 актов (и упоминаний о них), выданных церковным корпорациям¹. В том числе до нас дошли тексты (в подлинниках или списках) 42 жалованных грамот и 15 указных, 15 подтверждений правительством первого Самозванца предшествующих актов и 19 пересказов грамот Лжедмитрия I в пожалованиях Василия Шуйского и Михаила Романова. Кроме того, в различных более поздних документах мы обнаружили 9 упоминаний иммунитетных документов времени Лжедмитрия I. Из этих 9 случаев в трех есть возможность гипотетического восстановления содержания актов Лжедмитрия I: в указных грамотах первого Самозванца относительно владений Рязанского Спасского и Нижегородского Дудина монастырей надо думать точно отражена суть жалованных грамот Лжедмитрия I этим же феодалам. Текст упоминания иммунитетной грамоты Самозванца суздальской архиепископии² на владения в Московском и Владимирском уездах дает возможность полагать, что содержание ее в значительной степени имело своим источником текст грамоты Ивана IV от 3 февраля 1578 г. на те же владения³.

Сколько точно отражают акты В. Шуйского и М. Романова содержание жалованных грамот Лжедмитрия? Думает, что в том случае, когда в них есть прямое указание на «переписывание на наше имя» актов Самозванца (а мы учитывали только такие документы), пересказ их был весьма и весьма близким к тексту грамот Лжедмитрия I. Характерным примером в этом отношении являются жалованные грамоты Самозванца и В. Шуйского Тихвинскому Успенскому монастырю. Обе они дословно

¹ Кроме того, известны три жалованные грамоты светским феодалам.

² Архив Ленинградского отделения института истории (далее: Архив ЛОИИ), кол. № 11, № 466, л. 15—15 об.

³ Акты исторические (далее: АИ), т. 1, СПб., 1841, № 200.

совпадают друг с другом (естественно, за исключением вводной и заключительной части), причем в грамоте В. Шуйского есть указанная выше отсылка на акт Лжедмитрия I⁴.

Насколько полон выявленный комплекс иммунитетных пожалований правительства первого Самозванца? Полагаем, что степень сохранности подобных грамот от этого времени не меньшая, чем, скажем, вообще от XVI в. Действительно, в этом комплексе хорошо представлены крупнейшие монастыри, архивы которых сохранились в наибольшей степени (патриаршая кафедра, Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Московский Симонов, Московский Чудов, Костромской Ипатьевский, Московский Новодевичий, Соловецкий монастыри и т. д.). От большинства мелких и средних духовных корпораций, документация которых сильно пострадала, мы имеем для времени Лжедмитрия I, равно как и для XVI в., единичные акты, или же не имеем их вовсе. Сохранившиеся грамоты Лжедмитрия I охватывают весь период его правления (за исключением июня 1605 и мая 1606 гг.). Территориально они распространяются практически на все уезды и районы Русского государства. Таким образом, выявленный комплекс актов дает возможность не только уяснить общее направление политики Самозванца, но и наметить ее изменения в отношении различных районов и на разных этапах его правления.

Правительство Лжедмитрия I фактически не выдавало новых иммунитетных пожалований, а как правило, ограничивалось подтверждением (или почти дословным переписыванием) актов предшествующего времени⁵, сравнительно редко внося в них те или иные изменения. Как правило, подтверждались акты времени Ивана IV и Федора Ивановича тогда, когда на них не было подтверждений Б. Годунова⁶. Если же подтверждение Б. Годунова имело место или же вообще источником грамоты Самозванца являлось пожалование Б. Годунова, — текст акта переписывался, как правило, без указания на соответствующий документ этого «лукавого раба»⁷. Следовательно, изучение поставленного в данной статье вопроса должно идти путем сопоставления комплекса грамот Лжедмитрия I тому или иному духовному феодалу со всеми предшествующими актами этому же субъекту пожалования, а также с последующими грамотами В. Шуйского. Подобный анализ определит степень охвата пожалованиями Самозванца всех (или же только части) владений каждой духовной корпорации и наиболее характерный для времени его правления вид иммунитетных актов. Кроме того, необходимо исследовать и различия (очень немногочисленные, но весьма показательные) в текстах грамот Лжедмитрия I и тех, на которых они основывались.

⁴ К. Н. Сербина. Очерки из социально-экономической истории русского города, М.—Л., 1951, приложения № 2, и № 3, стр. 436—439, 439—443.

⁵ Ср., напр., жалованные грамоты Московскому Успенскому собору Б. Годунова от 24 декабря 1558 г. и Лжедмитрия I от 31 июля 1605 г. (ЦГАДА, ф. 281, № 7538, л. 5 об.—11 и 11 об.—15); жалованные грамоты Ивана IV от 30 марта 1565 г. и Самозванца — от 3 сентября 1605 г. Московскому Симонову монастырю на соляные варницы (рукописный отдел ГИМ — далее: РО ГИМ, — Симоновское собр. № 58, л. 662—664 и ЦГАДА, ф. 281, № 3405) и т. д.

⁶ См., напр., грамоту Ивана IV от 17 октября 1569 г. Вологодскому Корнильевскому монастырю, имеющую подтверждения Федора Ивановича и Лжедмитрия I (ЦГАДА, ф. 281, № 2604); указную грамоту на Двину выборным судьям Федора Ивановича (от 31 августа 1586 г.) с подтверждением Лжедмитрия I («Сборник ГКЭ», т. I, столб. 288—290); грамоту Ивана IV Кирилло-Новозерскому монастырю от 15 сентября 1583 г. с подтверждениями Федора Ивановича и Самозванца (ЦГАДА, ф. 281, № 861) и др.

⁷ См., напр., упомянутые выше грамоты Московскому Успенскому собору Б. Годунова и Лжедмитрия I, тех же лиц Симону монастырю на подмонастырское «плесо» и т. д. В этом отношении весьма показательна грамота Самозванца Александровой пустыни Ярославского у. Оказывается, что грамоту Ивана IV этому же феодалу необходимо «переписать» (а не просто подтвердить), так как «на той» (т. е. Ивана IV) жалованной грамоте «подписано Борисово имя Годунова» (Рукописный отдел государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — далее: РО ГПБ, — собр. грамот I, № 271).

Итак, какие же духовные феодалы и сколь полно получили подтверждения своих прав на владения в городах от правительства Самозванца? Оказывается, что из 62 церковных корпораций, имевших от Лжедмитрия I иммунитетные акты, только 12-ти были даны подобные санкции. Это — патриаршая и суздальская кафедры, Кирилло-Белозерский, Спасский Ярославский, Антониев-Сийский, Владимирский Александро-Невский, Суздальский Александров девичий, Белевский Спасо-Преображенский, Тихвинский Успенский и Новоторжский Борисоглебский монастыри, Изосимины пустыня и Вятский Николо-Великорецкий собор⁸. Из этих 12 духовных феодалов, как правило, только не крупные, имевшие один или несколько дворов в городе, получили подтверждения своих прав на посадские владения в полном объеме⁹. Обширные привилегии получил от правительства Лжедмитрия I Антониев-Сийский монастырь, в число объектов которого входили монастырские дворы в Москве, Холмогорах, Уне (Умбе?), Неноксе и Вологде¹⁰. В грамоте Самозванца от 23 августа 1605 г. Спасскому Ярославскому монастырю, наряду с другими владениями, упоминаются монастырские слободы в Ярославле¹¹. Во всех приведенных случаях можно полагать, что подтверждение прав на городские владения этих духовных корпораций охватывало все имевшиеся у них дворы и слободы, ибо по сохранившимся, в первую очередь актовым, источникам о других подобных владениях мы ничего не знаем. Однако наиболее крупные церковные феодалы, такие как патриаршая кафедра и Кирилло-Белозерский монастырь, не имели в период правления Самозванца столь ясно и недвусмысленно выраженной полной санкции своих прав на собственность в городах. Так, патриарший престол получил от Лжедмитрия I две грамоты, из которых одна была проезжей. Действие второй (тарханно-несудимой, заповедной) распространялось на все владения патриарших монастырей, бояр, детей боярских и слуг и только косвенным образом на городские владения и самого патриарха¹². Из числа предшествующих актов оказались неподтвержденными или не переписанными грамоты Ивана IV на Борисоглебскую слободку в Переславском у. и Федора Ивановича — на слободку Святославлю Ростовского у.¹³ Владимирский Рождественский Александро-Невский монастырь получил от Лжедмитрия I грамоту от 26 января 1606 г., в числе объектов которой фигурируют 40 монастырских дворов на посаде во Владимире¹⁴. Однако не было подтверждено право собственности монастырских властей на двор в Муроме, место под который они получили еще по грамоте Ивана IV от 9 мая 1543 г.¹⁵ Еще более показателен пример с Кирилло-Белозерским монастырем. Этот один из крупнейших ду-

⁸ Возможно также, что в начальной несохранившейся части грамоты Самозванца Новодевичьему монастырю среди объектов пожалования числились городские владения.

⁹ См. А. Вештомов. История Вятчан со времени поселения их при Вятке до открытия в сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год через 600 лет, Казань, 1908, стр. 58—60 (прим. 2); «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабяновым», М., 1905, стр. 93—96; ЦГАДА, ф. 281, № 884; см. также архив ЛОИИ, грамоты до 1613 г., оп. 2, № 245; И. Сахаров. История общественного образования Тульской губернии, ч. 1, М., 1932, стр. 34—36; Е. А. Веригин. Грамоты Новоторжского мужского Борисоглебского монастыря, Тверь, 1903, стр. 8—15; К. Н. Себина. Указ. соч., стр. 436—439.

¹⁰ Макарий. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре, «Чтения в обществе истории и древностей российских» (далее: Чтения ОИДР), 1878, кн. 3, стр. 33—41. Подлинник см. архив ЛОИИ, ф. № 5, оп. 1, № 41.

¹¹ Архив ЛОИИ, кол. № 11, № 75, № 4.

¹² «Акты феодального землевладения и хозяйства» (далее: АФЗиХ), ч. III, М., 1961, № 47, стр. 82—83; № 48, стр. 83—85.

¹³ АФЗ и Х, ч. 1, М., 1951, № 223, стр. 197—198; там же, ч. III, № 18, стр. 36—38. Акт был подтвержден в 1587 г., при Б. Годунове (в 1598 г.), и при В. Шуйском (в 1607 г.).

¹⁴ РО ГПБ, собр. грамот № 1, № 270.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 281, № 7740.

жовных собственников получил от Лжедмитрия I наибольшее количество грамот (5 актов и 2 подтверждения пожалований Ивана IV). Однако городских его владений касалось подтверждение только в одной из семи грамот: жалованной тарханно-несудимой и заповедной грамоте Ивана IV от 19 марта 1548 г. на владения в Белозерском, Вологодском, Углицком, Дмитровском уездах. Среди объектов пожалования, помимо сельских вотчин монастыря, числились и его городские владения в указанных районах (а также «и в иных городах») ¹⁶. Однако вотчины этого церковного феодала к концу XVI — началу XVII вв. охватывали гораздо большее количество уездов страны (в том числе дворы и слободы в городах). Так в широко известных грамотах Кирилло-Белозерскому монастырю от 9 и 11 марта 1577 его владения (и городские) числились в Вологодском, Пошехонском, Ростовском, Дмитровском, Каргопольском, Белозерском, Городецком, Угличском, Тверском, Московском уездах, Бежецком Верху и Поморье ¹⁷. Но и после этих мартовских грамот 1577 г. вотчины монастыря в городах росли — в 1590—1591 гг. он получил в Вологде от правительства Федора Ивановича «пустое место» на посаде под двор «на приезд» и соляные амбары ¹⁸. В этот же период (конец XVI — начало XVII вв.) монастырь активно увеличивал свои владения и в других городах ¹⁹. Все эти новые приобретения не были подтверждены.

Характерно и следующее: хотя и грамота 1548 г. и акты 1577 г. не были «тарханскими» в полном объеме, однако последние давали «отарханывание» в более широких масштабах, чем грамота 1548 г. ²⁰ Грамота Самозванца патриарху имела еще менее обширные «тарханные» статьи и освобождала только от поборов в пользу местной администрации и натуральных повинностей дворцового происхождения ²¹. Грамотой Василия III Спасскому Ярославскому монастырю, послужившей основой для соответствующей части пожалования Лжедмитрия I, «отарханывание» вообще не предусматривалось ²². Весьма ограниченными были финансовые изъятия причту Вятского Великорецкого собора, властям Тихвинского Успенского и Белевского Спасо-Преображенского монастырей ²³. Однако ряд мелких и сравнительно крупных монастырей получил подтверждения довольно значительных «тарханных» привилегий. Из мелких это — Борисоглебский Новоторжский ²⁴, Суздальский Александровский девичий ²⁵ монастыри и Изосиминская Орбозомская

¹⁶ Архив ЛОИИ, кол. № 11, кн. 112, л. 242—250.

¹⁷ П. А. Садиков. Из истории опричнины. «Исторический архив», т. III, М.—Л., 1940, стр. 280—285 и стр. 285—289. Обе грамоты были в дальнейшем подтверждены при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове. Правительство В. Шуйского переписало эти грамоты «на свое имя».

¹⁸ В. Д. Назаров. Классовая борьба горожан и правительство Б. Годунова, «Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова», М., 1966, стр. 220.

¹⁹ Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до 2 четверти XVII в., т. I, вып. II, СПб., 1910, стр. LXVII—LXXXV (новые владения монастыря отмечаются в Каргополе, Неноксе «на посаде», Москве, Новгороде, Костроме, Ростове, Ярославле, Белоозере, Вологде, Твери, Холмогорах).

²⁰ С. М. Каштанов. К вопросу об отмене тарханов в 1575/76 г. «Исторические записки», кн. 77, М., 1965, стр. 212—213.

²¹ АФЗ и X, ч. III, № 48, стр. 84—85.

²² Архив ЛОИИ, кол. 11, № 75, № 4. Ср. «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, изд. И. А. Вахрамеевым», т. I, М., 1896, № 4, стр. 5—6.

²³ А. Вештомов. Указ. соч., стр. 58—60 (примечание 2); К. Н. Сербина. Указ. соч., стр. 438; И. Сахаров. История общественного образования Тульской губернии, ч. I, стр. 35.

²⁴ Е. А. Веригин. Указ. соч., стр. 11. Соответствующий раздел грамоты основан на тексте грамоты Федора Ивановича от 19 марта 1590 г. и освобождал монастырскую вотчину (в том числе городские владения) от «данных, ямских, гриметных и оброчных денег», «подмоги ямским охотником и в ямчужное и городовое дело» посохи, мошени дорог и т. п.

²⁵ «Описание актов собрания гр. А. С. Уварова...», стр. 93. Грамота освобождала от дани, ямских денег, посошной службы и «иных всяких пошлин» (в том числе и торговых), а также от поборов в пользу местной администрации и повинностей дворцового происхождения.

пустыня²⁶. Сравнительно широкие финансовые льготы получили Антониев-Сийский²⁷ и Владимирский Александро-Невский монастыри²⁸. Можно думать, что подтверждение достаточно больших «тарханных» привилегий в данных двух случаях объясняется особыми обстоятельствами. Архимандрит Александро-Невского монастыря Исайя был духовником Лжедмитрия I²⁹, что, по вполне понятным причинам, не могло не сказаться на объеме иммунитетных пожалований этому монастырю. Антониев-Сийскому монастырю покровительствовал в свое время еще Иван IV, а его сын Иван был даже автором стихир и канона в честь Антония Сийского и вообще был близок к монастырю, о чем монастырские власти не забыли сообщить Самозванцу³⁰. Мнимый сын и брат не мог, естественно, не учесть особых отношений между царской фамилией и Антониев-Сийским монастырем.

Но подавляющее большинство духовных феодалов, которым были даны в период правления Лжедмитрия I от правительства те или иные иммунитетные пожалования, не получило подтверждений на свои городские владения. Так Троице-Сергиев монастырь получил от Самозванца 3 жалованных грамоты (все они известны в дословных пересказах актов В. Шуйского), но ни одна из них не имела своим объектом монастырские дворы и слободы на посадах. В другой своей работе мы констатировали, что правительство Б. Годунова в борьбе посадских людей с этим крупнейшим церковным собственником из-за его городских владений встало на защиту прав монастыря³¹. При Самозванце же ни одно из этих владений, права на которые в той или иной мере оспаривались горожанами, не было утверждено за Троице-Сергиевым монастырем. В то же время правительство Шуйского подтвердило действительность большинства указанных грамот Б. Годунова³². Троицкий монастырь не получил при Самозванце и подтверждения своих прав на слободку в Казани, которая до 27 февраля 1597 г. была отписана к посаду, но затем по распоряжению грамоты от указанного числа возвращалась монастырю³³. Менее чем через месяц после прихода к власти В. Шуйского Троице-Сергиев монастырь получил от него жалованную грамоту с обширными финансовыми привилегиями на всю вотчину, среди объектов которой были и все городские владения феодала³⁴. Московский Симонов монастырь, имевший от правительства Лжедмитрия I четыре грамоты, тем не менее не получил подтверждений на свои городские владения, о которых мы знаем из актовых источников³⁵. Костромской Ипатьев монастырь при Самозванце также получил 4 иммунитетных акта, но ни

²⁶ ЦГАДА, ф. 281, № 884. Грамота освобождала от «дани и оброку и всяких податей», а также от поборов местным властям.

²⁷ Чтения ОИДР, 1878, кн. 3, стр. 37. Грамота Лжедмитрия I свела воедино пожалования Ивана IV и Федора Ивановича и освобождала иммунитета от платежа денег «ямских, приметных, оброчных за емчужное и городовое дело, и за плавные казаки и за всякие посохи», от поборов в пользу местной администрации, повинностей дворцового происхождения и т. п.

²⁸ РО ГПБ, собр. грамот № 1, № 270. Грамота освобождала владения монастыря от «ямщинных», «варения ямчуги» «городовой посохи», «стояния на яму», повинностей, связанных с губным делом и сбором налогов, различных поборов местным властям, разнообразных повинностей дворцового происхождения, таможенных пошлин и т. п. Если верно наше предположение о близости текстов жалованных грамот Суздальской архиепископии Ивана IV и Лжедмитрия I, то последняя также подтвердила иммунитету сравнительно широкий объем «тарханных» привилегий (АИ, т. I, № 200, стр. 367).

²⁹ «Акты, относящиеся до юридического быта Древней России», т. I, СПб., 1857, стлб. 236.

³⁰ Чтения ОИДР, 1878, кн. 3, стр. 33—34.

³¹ В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 217—219.

³² В. Шуйский подтвердил грамоты Б. Годунова на Кострому (РО ГБЛ, ф. 303, кн. 529, л. 491 об.—492) и в Свияжск (там же, кн. 611, л. 166—166 об.).

³³ ЦГАДА, ф. 281, № 6437.

³⁴ «Сборник ГКЭ», т. I, № 402, стлб. 400—409, см. стлб. 405. Действие грамоты В. Шуйского распространялось на владения монастыря в 34 уездах.

³⁵ РО ГИМ, собр. Симонова монастыря, кн. 58, л. 250—253 об., 393—397 об., 406 об.—408 об.

один из них не распространялся на городские владения, хотя монастырская «Богословская слободка» была в числе объектов пожалований при Федоре Ивановиче³⁶. В грамоте Лжедмитрия I крупнейшему духовному собственнику на Севере — Соловецкому монастырю (она известна по пересказу в акте В. Шуйского) — его городские владения не упоминаются, хотя из предшествующих правительственных актов известно, что они были в Великом Новгороде, Устюге, Каргополе и Холмогорах. Подавляющее большинство из этих владений явилось объектами специальных жалованных грамот во время царствования В. Шуйского. Так уже 3 августа 1606 г. власти монастыря получили грамоту на дворы в Устюге, Вологде и Холмогорах, а в 1608 г. — и на владения в Новгороде³⁷. Иосифо-Волоколамский монастырь получил от Самозванца подтверждение на общей грамоте Ивана IV от 20 декабря 1563 г., в которой городские владения монастыря не фигурировали³⁸. В то же время в жалованной грамоте 28 августа 1585 г. Федора Ивановича есть специальный раздел, регулирующий положение монастырских дворов в Можайске, Старице, Владимире, Ржеве, Твери, причем действительность этой грамоты была подтверждена правительствами Б. Годунова, а позднее и В. Шуйского³⁹. Не получил, видимо, при Самозванце подтверждения на свои пять слободок в Переславле-Залесском и Переславский Данилов монастырь⁴⁰, которому была подтверждена другая (проезжая) грамота Ивана IV⁴¹.

Приведенные выше примеры наиболее показательны. Они относятся к тем монастырям, которые, несомненно, имели иммунитетные пожалования от правительства Самозванца (и, как правило, не одно), а с другой стороны, правительственные жалованные акты на свои городские владения как от предшествующего царствованию Лжедмитрия I времени, так и от последующего (в первую очередь правления В. Шуйского). Кроме того, подавляющее большинство других церковных феодалов, получивших жалованные грамоты при Самозванце, также не имели от правительства Лжедмитрия I санкции своих прав на городские дворы и слободы, о существовании которых есть свидетельства других источников (например, такие монастыри, как Московский Чудов, Суздальский Покровский девичий, Амвросин Дудин, Рязанский Солотчинский, Вологодский Корнильев, Серпуховский Владыченъ, Муромский Борисоглебский, Троицкий Астраханский, Путивльский Молченский и т. д.). Даже если учитывать известную неполноту комплекса грамот Самозванца тем или иным церковным феодалам, архивы которых все же сохранили их, тем не менее вывод очевиден. В своей иммунитетной политике правительство Лжедмитрия I скупо и неохотно подтверждало права собственности духовных корпораций на их городские владения. Большинство монастырей подобной санкции не получило вообще. И даже в тех случаях, когда такая санкция давалась, то она далеко не всегда охватывала все реально имевшиеся у них к моменту выдачи акта дворы и слободы.

В этом же отношении весьма характерна жалованная грамота Самозванца Казанскому Спасо-Преображенскому монастырю от 23 сентября 1605 г. В ней раздел, посвященный городским владениям монастыря, использует в качестве своей основы не пожалование Федора Ивановича (как можно было бы ожидать, судя по началу акта), а почти дословно цитирует грамоту Б. Годунова 30 марта 1598 г. (естественно, без упомин-

³⁶ ЦГАДА, ф. 281, № 5159. На старые грамоты (в том числе Федора Ивановича) ссылается грамота Михаила Романова.

³⁷ Грамоту от августа 1606 г. см. «Сборник ГКЭ», т. I, № 4026, стлб. 873—876; грамоту 1608 г. см. архив ЛОИИ, кол. № 115, № 136, л. 273—277 об.

³⁸ АФЗиХ, ч. II, № 302, стр. 314—323, подтверждение на стр. 323.

³⁹ Там же, № 380, стр. 424—427.

⁴⁰ См. грамоту Ивана IV от 19/IX — 1581 г. «Памятники русского права» (далее: ПРП), вып. 4, М., 1956, стр. 108—110.

⁴¹ ААЭ, т. I, № 222, стр. 211—212.

хания его имени), которая констатировала отпись к посаду монастырской слободки. Единственным реальным отличием грамоты Лжедмитрия I от грамоты Б. Годунова является только небольшое увеличение ежегодной компенсации за эту слободку⁴².

Этот акт, на наш взгляд, позволяет выяснить побудительные причины нежелания правительства Самозванца санкционировать права собственности духовных феодалов на городские владения. Конечно, вряд ли было бы правильным думать, что каждый случай такого неподтверждения означал автоматически конфискацию тех или иных владений на посадах у церковных корпораций. Реально она могла иметь место или в ходе всеобщей проверки прав собственности у духовных феодалов (а это должно было быть связано с новым валовым описанием), или же в результате столкновений посадских миров с тем или иным церковным собственником, когда само неподтверждение прав ему могло дать юридическое основание для конфискации. Однако уже тот факт, что правительство не спешило санкционировать права собственности монастырей и других церковных организаций в значительной мере развязывало ему руки в будущем. Впрочем, отдельные случаи подобной конфискации и именно в связи с писцовыми описаниями и выступлениями посадских людей можно зафиксировать. Галицкий Паисин монастырь, насколько можно судить по его сохранившимся актам, не получил жалованных грамот от Самозванца вообще (в том числе и на свои городские и подгородные владения) Писец И. Биркин и подъячий М. Тюхин, «дозиравшие в 7114 г. при Ростриге в Галиче посаду и черных волостей»⁴³, по челобитью горожан и рыболовов отписали от монастыря к посаду рыбные ловли, луга и пожни⁴⁴. В этом случае конфискации подверглись подгородные промыслы и угодья церковного феодала, а не городская собственность монастыря. Однако данный факт показывает, при каких условиях и как реально могла бы происходить конфискация городских владений у духовных корпораций⁴⁵. Менее последовательной была, видимо, позиция Лжедмитрия I в «отархивании» городских владений. Однако и здесь (если не считать грамот Антониев-Сийскому и Владимирскому Александро-Невскому монастырям) можно заметить, что правительство даже в подтверждении старых финансовых привилегий (новых оно на городскую собственность духовных феодалов вообще не выдавало) стремилось к санкционированию более ограниченных «тарханных» изъятий, прежде всего у крупных церковных корпораций.

Рассмотрим отношение правительства Самозванца к промысловым владениям и угодьям церковных корпораций и их торговым привилегиям. Здесь положение несколько меняется. Санкция прав собственности на эти виды владений была более широкой, чем на городские дворы и слободы. Почти в каждой грамоте Лжедмитрия I той или иной духовной организации фигурируют луга, пожни, рыбные промыслы, гораздо реже — соляные варницы. Это вполне понятно, ибо за исключением солеварения, все остальные виды угодий и промыслов были практически в каждой вотчине церковных феодалов, являясь неотъемлемой частью их хозяйства. С подобными владениями были тесно связаны и финансовые привилегии, обеспечивавшие беспопшлинный провоз и продажу продуктов этих промыслов для «монастырского обихода». Почти не санкционировались беспопшлинный провоз и продажа избыточной части продукции. Тесная связь подтверждений прав собственности на промыслы и

⁴² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее: ЦГИАЛ), ф. 834, оп. 3, № 1906, л. 38—43 об., о слободке см. л. 40 об.— 41 об.

⁴³ РО ГБЛ, ф. 28, № 1/239. Эти же писцы «дозирали», видимо, и Унженский у. (ЦГАДА, ф. 281, № 3410).

⁴⁴ РО ГБЛ, ф. 28, № 1/229, № 1/239. См. также ЦГАДА, ф. 281, № 3439.

⁴⁵ К. Буссов отметил факт конфискации дворов в Москве на Чертолье и на Арбате у попов (К. Б у с с о в. Московская хроника, М.— Л., 1961, стр. 112).

угодья с фиксацией торгово-проезжих привилегий делает целесообразным их совокупное рассмотрение. Остановимся на анализе комплекса подобных грамот, выданных прежде всего крупнейшим монастырям на владения, которые находились в непосредственной близости от городов.

Троице-Сергиев монастырь получил от Лжедмитрия I подтверждение прав на рыбные ловли в Переславском у. (Переславское и Сомино озера и речки)⁴⁶ и косвенную санкцию (в связи с подтверждением проезжих льгот) на промыслы в Варзуге⁴⁷. Последняя грамота санкционировала беспошлинный провоз выловленной монастырскими ловцами рыбы (на 4 насадах) плюс не более ста возов купленной, а также соли «для рыбного соления» (только неиспользованную соль монастырские старцы имело право беспошлинно продавать). В грамоте специально подчеркивалось, что рыба идет не для продажи, а на «монастырский обиход». Кроме того, этому же монастырю было подтверждено право беспошлинной покупки рыбы в поволжских городах (от Свияжска до Углича, а кроме того, на Усть-Шексны и Усть-Мологи) и ее провоза в монастырь два раза в году к царским приездам⁴⁸. Этим исчерпываются пожалования подобного рода Троицкой обители. Охватывали же они весьма и весьма незначительную часть промыслов и угодий огромной вотчины этого монастыря и далеко не в полном объеме санкционировали прежние его финансово-проезжие привилегии. Так промыслы и угодья Троице-Сергиева монастыря практически были в каждом уезде, в которых находились его владения (а таких было 34). Равным образом проезжие льготы распространялись, как правило, на все поездки его старцев и служек с товаром для «монастырского обихода», а не для продажи. Из наиболее значительных торгово-проезжих грамот, не подтвержденных монастырю Самозванцем, отметим акты Ивана IV и Федора Ивановича на беспошлинный провоз соли и осетров из Астрахани и Ивана IV — на монастырские экспедиции на севере с правом беспошлинного провоза до Москвы⁴⁹.

Не менее ограниченными были подобные льготы и патриарху. Санкция прав его собственности на промыслы и угодья была сделана в такой же косвенной форме, как и относительно его городских владений в той же грамоте на владения патриарших бояр, монастырей, детей боярских и слуг. Освобождение от проезжих пошлин было зафиксировано только для провоза «товару» из Нижегородского Благовещенского монастыря в Москву в размере 50 возов (летом 50 телег). Грамоты Ивана IV от августа 1564 г. о беспошлинной торговле патриарших (в то время еще митрополичьих) экспедиций в Северских и западных городах не прошли подтверждения (или переписывания) при Лжедмитрии I⁵⁰. Соловецкий монастырь получил от Самозванца жалованную грамоту (взамен двух актов Федора Ивановича и одного — Б. Годунова), в которой санкционировались права его собственности на промыслы и угодья в волостях Нюхче и Унежме, $\frac{1}{4}$ волости Умбы и $\frac{1}{4}$ волости Варзуги⁵¹. Однако значительная часть подобных владений монастыря (в волости Кереть, в Кеми и т. д.) в пожаловании Лжедмитрия I не фигурирует. Неизвестны также и торгово-проезжие привилегии монастырю от имени Самозван-

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 281, № 8828; там же, № 9370, л. 332—334.

⁴⁷ РО ГБЛ, ф. 303, кн. 529, лл. 510 об.—513. Поводом для выдачи грамоты послужила утеря монастырскими служками актов Ивана IV и Федора Ивановича.

⁴⁸ РО ГБЛ, ф. 303, кн. 529, л. 504—505 об.

⁴⁹ РО ГБЛ, ф. 303, кн. 519, л. 127—131; кн. 527, л. 376 об.—378, 474—475; «Сборник ГКЭ», т. 1, № 254, стлб. 244—246; № 440, стлб. 463—471. Грамота была подтверждена при Федоре Ивановиче и В. Шуйском.

⁵⁰ АФЗХ, ч. III, № 47, стр. 82—83; там же дополнения, № 1, стр. 359—360 (акт подтвержден Б. Годуновым); там же, дополнения № 2, стр. 360—363 (грамота санкционирована при Федоре Ивановиче).

⁵¹ Грамота дошла до нас в пересказе грамоты В. Шуйского. «Сборник ГКЭ», т. 2, л. 1929, стлб. 835—839.

ца, хотя ранее и позднее него они были весьма значительными⁵². Не получил в полном объеме санкционирования подобных грамот от предшествующего периода и Московский Симонов монастырь. Все четыре полученные им от Самозванца пожалования касались прежде всего его промыслов и угодий. Так были подтверждены право собственности монастырских властей на подмонастырскую рыбную ловлю и на рыбные же ловли в Волге⁵³. Кроме того, Симонов монастырь получил от Лжедмитрия I грамоту, в которой освобождались от уплаты пошлины соляные варницы в Соли Галицкой⁵⁴. Однако тому же монастырю не были подтверждены грамота Ивана IV 1568 г. на рыбные ловли в Мологе и его же специальная проезжая грамота, освобождавшая провоз монастырской соли от пошлин⁵⁵. Спасский Ярославский монастырь вообще не получил санкции со стороны правительства Самозванца на прежние торгово-проезжие грамоты⁵⁶. Равным образом не были санкционированы специальные проезжие грамоты и Иосифо-Волоколамскому монастырю.

Однако целый ряд сравнительно крупных церковных собственников получил от Лжедмитрия I санкции подобных привилегий и прав собственности на промыслы и угодья в полном или довольно близком к полному объеме. Это, например, относится к Костромскому Ипатьеву монастырю. Он получил от Лжедмитрия I четыре грамоты, три из которых имели своим объектом промысловые владения и угодья монастыря. Пожалование 30 сентября 1605 г. зафиксировало права монастыря на подгородные пожни, бортные ужожи и рыбные ловли в Волге и ее притоках, в том числе в Костроме, а также в расположенных поблизости от посада озерах. Грамота от 4 октября 1605 г. санкционировала права монастырских властей на рыбные ловли в Волге⁵⁷. Наконец, еще один акт (от того же числа), подтверждающий собственность монастыря на пожалованные ему еще Федором Ивановичем большие дворцовые и поместные владения в Костромском у., имел также одним из своих объектов рыбные ловли и бортные промыслы в этих селах⁵⁸. Эти пожалования охватывали основной комплекс угодий и промыслов монастырской вотчины в непосредственной близости от монастыря и Костромы. Среди грамот Самозванца нет акта, который бы санкционировал проезжие льготы монастыря.

Владимирский Александро-Невский монастырь получил от Лжедмитрия I грамоту на владения во Владимирском, Суздальском и Муромском уездах, среди которых были, несомненно, рыбные ловли, а также две соляные варницы. Кроме того, тот же акт имел специальный раздел, в котором запрещалось взимание пошлин с торговых экспедиций монастыря, покупавших «товар на монастырский обиход», причем количество покупаемых продуктов и изделий не фиксировалось точно. Там же санкционировалось освобождение от проезжих пошлин судов, направлявшихся на рыбные ловли монастыря в Оке и обратно⁵⁹. Данная грамота

⁵² Архив ЛОИИ, кол. № 115, № 136, л. 64—65, 173—181 об., 181 об. 182 об., 212 об.—213 об. Позднее пожалования Федора Ивановича и Бориса Годунова прошли подтверждения при Василии Шуйском.

⁵³ РО ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, л. 255 об.—256 об.; ЦГАДА, ф. 281, № 8011. Грамота подтверждала пожалование Ивана III и сходна с текстом грамоты на тот же объект Б. Годунова (РО ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, л. 813—815), подтвержденной В. Шуйским.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 281, № 3405. Грамота санкционировала пожалование Ивана IV (РО ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, л. 662—664), подтвержденное при Федоре Ивановиче и Б. Годунове.

⁵⁵ РО ГИМ, Симоновское собр., кн. 58, л. 597—599 (грамота была подтверждена Федором Ивановичем и Б. Годуновым), 669 об.—671 (акт прошел подтверждение при Б. Годунове).

⁵⁶ И. А. Вахрамеев. Указ. соч., № XXIII, LVI, LXIV.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 5155 (грамота была выдана взамен акта Федора Ивановича); ф. 135, 1 отд., рубр. IV, № 29.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 281, № 5156 (грамота подтвердила пожалования Федора Ивановича).

⁵⁹ РО ГПБ, собр. грамот 1, № 270 (акт подтверждал грамоту Ивана IV).

зафиксировала за духовным вотчинником практически почти все имевшиеся тогда у него угодья и промыслы, а также торгово-проезжие привилегии. Суздальский Покровский девичий монастырь получил, видимо, подтверждение своих прав на все угодья и промыслы в общей грамоте Лжедмитрия I. В ней же был и раздел, освобождавший монастырские торговые экспедиции от платежа пошлин при продаже-покупке для «монастырского обихода»⁶⁰. В специальном пожаловании Самозванца фиксировались права монастыря на владения в Талшинской волости Владимирского у., в том числе и на соляные варницы⁶¹. Многие мелкие духовные феодалы также получили санкции своих прав на промыслы, угодья и таможенные привилегии в сравнительно полном объеме.

Приведенные примеры еще не подтверждают сделанного выше вывода о большей щедрости правительства Лжедмитрия I в подтверждении и санкционировании подобного типа иммунитетных и владельческих пожалований. Однако, если ни в одной из известных нам грамот Самозванца церковным организациям не расширялись посадские их владения, равно как и не увеличивались (по сравнению с более ранними иммунитетными актами) «тарханные» пожалования на них, то совсем другую картину мы можем наблюдать в отношении правительства к промысловым владениям и угодьям духовных корпораций и их таможенным льготам. Ряд вотчинников получили новые владения подобного типа, или торгово-проезжие льготы на большое количество товаров, или же подтверждение иммунитетных пожалований, нарушенных при Б. Годунове.

Так Антониев-Сийский монастырь получил от Самозванца одну общую грамоту (о ней мы уже упоминали выше), в которой были сведены воедино ряд грамот Ивана IV и Федора Ивановича. В числе объектов пожалования числятся рыбные ловли в Варзуге, Золотице и «на море», соляные варницы в Уне, Неноксе, на Золотице и т. д.⁶² На эти владения, как и на всю вотчину монастыря, распространялось «отарханивание» (в довольно широком объеме). Весьма подробно разбирались в акте таможенные привилегии монастыря. Во-первых, его старцы, слуги и крестьяне имели право беспошлинной продажи-покупки (и мены) товаров для «монастырского обихода» в Архангельске, Холмогорах и Вологде. Во-вторых, монастырские власти имели право беспошлинной торговой экспедиции на 20 возах один раз в год зимой для продажи монастырской соли и рыбы, причем торговать они могли, надо думать, в любых городах государства. И, наконец, в-третьих, монастырь беспошлинно посылал в Вологду два дощаника (вместимость каждого определялась в 8 тыс. пудов) для продажи там соли и покупки хлеба. В последнем случае резко был увеличен объем провозимой продукции. Так, по грамоте Федора Ивановича 1593 г. (на которую ссылается пожалование Самозванца) разрешался беспошлинный провоз 10 тыс. пудов соли, по нашему же акту — уже 16 тыс. пудов⁶³. Правда «отарханивание» монастыря было неполным, ибо он должен был платить оброк на Москве в размере 60 руб.⁶⁴ (сумма крайне незначительная за освобождение от основных налогов подавляющей части вотчины и от пошлин — практически всех торговых операций монастыря!).

Московский Новодевичий монастырь получил подтверждение прав на значительные рыбные ловли в Ладожском озере и реке Свири Новгородского у. и весьма широкую санкцию таможенных привилегий на покупку-продажу товаров монастырскими властями, служками и крестьянами, причем количество товаров не фиксировалось, разрешалось про-

⁶⁰ АИ, т. II, № 61, стр. 76—77.

⁶¹ Там же, № 74, стр. 98—99.

⁶² «Чтения ОИДР», 1878 г., кн. 3, стр. 34—38.

⁶³ Там же, стр. 34. Ср. архив ЛОИИ, ф. Антониев-Сийского монастыря, оп. 1, № 537.

⁶⁴ «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3, стр. 38—39.

давать «свои» (а не только монастырские) продукты и соответственно покупать не только на монастырь, но и «на себя», торговые операции могли происходить в пределах всей страны⁶⁵. Кроме того, этот же феодал получил подтверждение на беспошлинную торговую экспедицию в Астрахань и обратно. Интересна история выдачи этой грамоты. По челобитью игуменьи Домникеи монастырь в свое время получил право от Ивана IV беспошлинно посылать одно судно «осминатцати сажен» по Волге до Астрахани для покупки рыбы и соли. Затем с монастыря «учали» взимать пошлины и, по словам Домникеи, с 1593/94 г. («7102») власти перестали посылать свои торговые экспедиции. Лжедимитрий I не только восстановил нарушенные таможенные привилегии церковному феодалу, но и разрешил посылку более чем вдвое укрупненного (40-саженного) монастырского судна, причем сумма пошлин, сложенных с этой экспедиции, по определению грамоты Самозванца, исчислялась в 3000 руб.!⁶⁶ Московский Чудов монастырь получил от Лжедимитрия I подтверждение права сбора таможенных пошлин в с. Высоком. Кроме того, ему были пожалованы вновь, и притом безоборочно, рыбные ловли в самарских водах Волги с правом беспошлинного проезда судна туда и обратно⁶⁷.

Кирилло-Белозерский монастырь получил подтверждение своих таможенных льгот, видимо, далеко не в полном размере. При Лжедимитрии I старцы и слуги монастыря имели право беспошлинного проезда и беспошлинного провоза монастырского запаса и товаров, покупаемых только для «монастырского обихода»⁶⁸. Собственность монастыря на промыслы и угодья, равно как и на городские владения, фиксировалась при Самозванце подтверждением общей грамоты Ивана IV 1547 г.⁶⁹ Из всех последующих приобретений монастырю были санкционированы его владения (рыбные ловли, соляные варницы и другие угодья — всего 32 лука) в Унбе, «огарханенные» монастырю еще Иваном IV в 1578⁷⁰. Интересно отметить, что подтверждение Самозванца на этой грамоте датировано 11 января 1606 г., но еще 2 августа 1605 г. в Холмогоры была послана указная грамота, запрещающая нарушать «тарханные» льготы монастырю. Судя по челобитью игумена Сильвестра эти последние были нарушены при Б. Годунове, при котором монастырь платил оброк в размере 75 руб.⁷¹ Лжедимитрием I «тарханные» привилегии на эти владения были восстановлены. При нем же был отменен запрет на подмонастырские ярмарки (происходившие три раза в году), установленный грамотой Б. Годунова 1602 г. Теперь сбор таможенных поступлений переходил в руки монастырских властей и шел в монастырскую казну⁷².

По указной грамоте 29 августа 1605 г. рязанскому архиепископу возвращались рыбные ловли в р. Оке, отписанные у него вскоре после воцарения Б. Годунова⁷³. Рязанскому Спасскому монастырю по распоряжению правительства Самозванца были переданы в безобороч-

⁶⁵ Архив ЛОИИ, ф. № 115, № 25, л. 378—380 об., 384 об.—395. Ср. с грамотой Б. Годунова 1598/99 г. (Архив ЛОИИ, собр. Погодина, № 22).

⁶⁶ РО ГПБ, собр. грамот 1, № 263.

⁶⁷ РО ГБЛ, ф. 23, № 1/228. См. также весьма интересную работу Е. П. Маматовой «Таможенная грамота 1596 г.» «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 25, М., 1962, стр. 344—356, особенно стр. 350; ЦГАДА, ф. 281, № 11525.

⁶⁸ Архив ЛОИИ, кол. № 11, № 112, л. 843—845. Мы ничего не знаем о подтверждении многочисленных грамот Федора Ивановича о беспошлинном провозе монастырской соли в центральные города и санкционировании распоряжений Б. Годунова по этому же вопросу (см. РО ГПБ, собр. грамот 1, № 208; «Русская историческая библиотека», т. 2, СПб., 1875, № 40; А. А. Герасимов. Грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. «Труды Саратовской губернской ученой архивной комиссии», вып. 31, Саратов, 1914, № 5; В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 219—220).

⁶⁹ Архив ЛОИИ, кол. № 11, № 112, л. 242—250 об.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 281, № 854.

⁷¹ Архив ЛОИИ, кол. № 11, № 112, л. 840—843.

⁷² Там же, л. 808—811, 820—821, 851—855.

⁷³ «Сборник Муханова», изд. 2, СПб., 1866, № 135, стр. 203—204.

ное владение рыбные ловли в Оке, находившиеся ранее того на оброке за дворцовым крестьянином⁷⁴. Серпуховской Владычень монастырь до воцарения Лжедмитрия I имел под Серпуховым луга по р. Наре, а также держал «из денежного оброка» луга за Окою напротив Тарусы и рыбные ловли в Оке, Поротве и Тарусе (в последней его ловли тянулись на 5 верст). Самозванец передал все указанные владения в безоборочную собственность монастырю⁷⁵. Рыбными ловлями под Путивлем владели путивльские бортники Сенька Хохотун «с товарищи» и путивльский же пушкарь Степан Онфимов. В 1604/1605 г. при Лжедмитрии I (уже осенью 1604 г. в период вооруженной борьбы Самозванца с Б. Годуновым Путивль оказался на территории, захваченной им), все они оказываются в вотчине Путивльского Молченского монастыря, и видимо в безоборочном владении. В дальнейшем именно такой статус этих рыбных ловель был подтвержден грамотой В. Шуйского от 15 июля 1606 г., ссылавшейся на изменение положения данных промыслов именно в «7113 году»⁷⁶. Муромский Борисоглебский монастырь получил в оброчное пользование рыбные ловли в реке Мотре и озерах Матцком и Вернем, издревле бывших на оброке за монастырем, но в царствование Б. Годунова находившихся в оброчном держании за крестьянами Ивана Никитича Годунова⁷⁷. Казанский Спасо-Преображенский монастырь получил от Самозванца подтверждение своих прав на все принадлежавшие ему рыбные ловли в Волге, ее притоках и пойменных озерах. В той же грамоте подтверждалось право монастыря на беспошлинную покупку и провоз товаров для «монастырского обихода», причем количество их и номенклатура строго регламентировались. В другой грамоте монастырю было восстановлено право беспошлинной торговой экспедиции в Астрахань за солью или рыбой и беспошлинной продажи приобретенных там товаров в Казани или Нижнем Новгороде. Пожалование Ивана IV (которое и восстанавливала грамота Лжедмитрия I) определяло вместимость судна в 10 тыс. пудов, при Самозванце же монастырские власти получили право на беспошлинный проезд уже двух таких судов. Правда, удвоение объема беспошлинной торговли сопровождалось лишением монастыря ежегодной компенсации в 50 руб. (за конфискованные слободки в Казани). Однако от подобной операции монастырь, безусловно, остался в большом материальном выигрыше⁷⁸.

Нетрудно заметить во всех вышеприведенных примерах одну весьма существенную особенность. Расширение прав собственности на промыслы и угодья (или восстановление прав, ранее нарушенных), а также увеличение торгово-проезжих льгот фиксируется в грамотах Лжедмитрия I, во-первых, для части экономически наиболее мощных и политически влиятельных духовных корпораций (таких как Кирилло-Белозерский, Антониев-Сийский, Московский Новодевичий, Московский Чудов, Костромской Ипатьев монастыри) и, во-вторых, для церковных феодалов южных районов страны (Рязанская архиепископия, Рязанский Спасский, Серпуховской Владычень, Путивльский Молченский, Муромский Борисоглебский, Казанский Спасо-Преображенский, Астраханский Троицкий⁷⁹ и т. п. монастыри). Объяснения большей щедрости к монастырям

⁷⁴ РО ГПБ, собр. грамот 1, № 262.

⁷⁵ В. А. Рождественский. Историческое описание Серпуховского Владычнего общежительного девичьего монастыря, М., 1866, стр. 128—129. В XVI—XVII вв. монастырь был мужским.

⁷⁶ РО ГПБ, собр. грамот 1, № 289.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 281, № 7798, 7799.

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 3, д. № 1906, л. 38—43 об., 44—45.

⁷⁹ См. АИ, т. II, № 64, стр. 79—80. По-видимому, полную санкцию на все свои угодья и промыслы получили от правительства Лжедмитрия I Белевский Спасо-Преображенский монастырь (в упомянутой уже грамоте — см. выше, стр. 105) и Лихвинский Добренский Пречистенский монастырь (см. ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 3, д. № 1909, л. 15—17).

первой группы надо, видимо, искать индивидуально в каждом случае. О возможности особого покровительства Лжедмитрия I Антониев-Сийскому монастырю уже писалось выше. Столь же «традиционным» было и отношение Самозванца к Кирилло-Белозерскому монастырю. Власти последнего вообще, видимо, считались «политически благонадежными» в глазах правительства: именно туда был сослан и пострижен Лжедмитрием I бывший «великий князь всея Руси» Симеон Бекбулатович⁸⁰. Московский Новодевичий монастырь (наряду с Вознесенским девичьим в Кремле) был традиционным местом пострижения женщин наиболее знатных и родовитых фамилий, начиная с момента своего основания при Василии III (а позднее и членов царской семьи). Ипатьевский монастырь относился к тому типу церковных собственников, основная часть обширной вотчины которых концентрировалась в одном, двух или трех соседних уездах. Монастырь издавна был связан тесными экономическими, политическими и бытовыми узами с местными корпорациями феодалов Галичского и прежде всего Костромского у., родового гнезда Годуновых. Лояльность его в отношении Лжедмитрия I могла оказать последнему неоценимую поддержку в завоевании на свою сторону и консолидации дворянства этого района. И, наконец, вспомним, что Лжедмитрий I до своего побега в Литву был чернецом Чудова монастыря.

Иначе надо объяснять подобное же отношение правительства Самозванца к целому ряду южных церковных корпораций страны. Думается, что причины большей щедрости этим духовным феодалам кроются в обстоятельствах воцарения Самозванца (т. е. периода его вооруженной борьбы с Б. Годуновым) и, во-вторых, в той социальной обстановке, которая сложилась в южных областях государства и во время похода Лжедмитрия I и в течение его царствования. Благодаря новому подъему крестьянской войны в этих районах, начиная с осени 1604 г., Лжедмитрию I удалось укрепиться в них и контролировать значительные территории. «Истинный царевич Димитрий», демагогически используя в своих целях антифеодальную борьбу трудящихся слоев города и деревни против правительства Б. Годунова, тем не менее организовывал в захваченных районах свою власть, создавал свой государственный аппарат (безусловно, феодально-крепостнический по своему духу). Этим во многом объясняется резкий поворот на его сторону большей части южных корпораций светских феодалов. Тайному католику — Самозванцу в этих условиях уже и тогда необходима была поддержка хотя бы части церковных православных организаций⁸¹, которую он, видимо, и получил от духовных корпораций юга страны. Вспомним, что первым из церковных иерархов, успевшим признать «истинного царевича Димитрия», был (уже вскоре после перехода основной части армии правительства Годуновых под Кромами на сторону Самозванца) рязанский архиепископ Игнатий, ставший в царствование Лжедмитрия I патриархом.

С другой стороны, тот факт, что и в 1604—1605 гг. и в период царствования Самозванца именно юг страны был кипящим котлом социальных antagonизмов, все время грозившим новой вспышкой открытой вооруженной антифеодальной борьбы, заставлял правительство Лжедмитрия I с особым вниманием относиться к вопросу консолидации феодальных групп этих областей, побуждал его к особой заинтересованности в

⁸⁰ ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 41. По-видимому, вскоре после прихода к власти В. Шуйского в монастыре прошла смена игуменов: уже 6 июля 1606 г. им был Матфей (вместо Сильвестра). (Архив ЛОИИ, кол. 11, № 112, л. 860).

⁸¹ Любопытный штрих в данной связи дает «Повесть о Курской иконе Божьей матери». Оказывается, в период пребывания Самозванца в Путивле (после поражения под Добрыничами), он вытребовал из Курска этот «чудотворный образ» и с большой парадностью препроводил его в Путивль. Затем икона сопровождала его во время похода к Москве. Самозванец публично считал ее своей покровительницей. (См. РОГИМ, собр. Уварова, № 117, л. 41 об.—45).

поддержке со стороны светских и церковных феодалов данных районов. Ведь именно они должны были обеспечить эффективность действия местных органов власти в попытках подавления классовых выступлений.

Несмотря на все сказанное, несомненно, что правительство Лжедмитрия I было гораздо скупер в подтверждении (и особенно в выдаче новых) владельческих прав и «тарханных» льгот, чем предшествующие и последующие правительства (Федора Ивановича, Б. Годунова, В. Шуйского). Показательно, что Лжедмитрий I считал действующим соборное постановление 1584 г. об отмене «тарханов» церковным организациям. Этот указ в грамоте Антониев-Сийскому монастырю назван «уложением брата нашего... Федора Ивановича и нашим (т. е. Лжедмитрия I.— В. Н.) уложением». Суть его, по мнению правительства Самозванца, заключалась в том, что «тарханы все отставлены». Именно в связи с этим монастырь должен был уплачивать в казну 60 руб. за все налоги и торгово-проезжие пошлыны⁸². Можно отметить еще несколько случаев нарушения старых «тарханов» при Лжедмитрии I⁸³.

Такой характер политики создавал для правительства благоприятную основу для возможного пересмотра владельческих прав и «тарханов» в том или ином масштабе в будущем, в известной мере развязывал руки Самозванцу в его взаимоотношениях с церковью. Определенные шаги в этом направлении, как отмечалось выше, были уже сделаны. В подобном наступлении на экономические позиции церкви (и в возможных его проектах⁸⁴), правительство Лжедмитрия I было кровно заинтересовано уже только в силу необходимости резкого увеличения поступлений в государственную казну, которой не хватало для бурных трат Самозванца⁸⁵.

Кроме того, правительство не могло не учитывать требований горожан. Первый этап крестьянской войны в России ознаменовался обострением и ростом классовой борьбы не только на юге страны, но и в центральных и северных городах между монастырями и посадскими людьми⁸⁶. Пришедший к власти в результате всех этих событий Лжедмитрий I не мог не считаться в той или иной степени (и, конечно, по-своему, как представитель феодального класса) с интересами городского населения.

Не следует, однако, преувеличивать последовательность имунитетной политики правительства Самозванца. Не имевший широкой и твердой поддержки среди всех групп светских феодалов (или, по крайней мере, значительной их части), он не мог не лавировать в вопросах внутриклассовых противоречий, не мог не идти на отдельные уступки угнетенным слоям населения. Это, с одной стороны, объясняется, с другой — весьма рельефно демонстрирует неустойчивость его режима. Но даже такие мероприятия сделали подавляющую часть церковных корпораций непримиримым врагом Самозванца.

⁸² «Чтения ОИДР», 1878, кн. 3, стр. 36, стр. 38—39.

⁸³ АФЗХ, ч. III, приложения, № 6, стр. 369; ЦГАДА, ф. 281, № 1891, № 8184, л. 151—162 об. Судя по датам выдачи грамот В. Шуйского и годам, за которые взимались те или иные сборы, можно с уверенностью полагать, что эти нарушения имели место в царствование Самозванца.

⁸⁴ Буссов отметил, что «Дмитрий повелел сделать ревизию монастырей, подсчитать их доходы и немного урезать корма (монастырям.— В. Н.)..., а лишек взять в казну на содержание войска...» (К. Буссов. Московская хроника, стр. 112).

⁸⁵ Правительство Самозванца неоднократно прибегало к безвозвратным «займам» у монастырей («Сказание А. Палицына», М.—Л., 1955, стр. 203; «Древности. Труды Московского Археологического общества», т. VIII, М., 1880, стр. 152—153; «Историческое описание московского Новодевичьего монастыря», М., 1885, стр. 14; АФЗХ, ч. II, № 416—417, стр. 464—465; Архив. ЛОИИ, собр. Свирелина, № 1).

⁸⁶ В. Д. Назаров. Указ. соч., стр. 222—223.